

большинства наиболее крупных интерпретаторов творчества австрийского мыслителя, можем констатировать то, что, по крайней мере, ортодоксальным конвенционалистом Витгенштейн все же никогда не был, и наиболее распространенная в широких околофилософских кругах интеллектуалов интерпретация его «*Философских исследований*» является слишком упрощенной и, по сути, неверной.

Дискуссия об индивидуальном языке: лингвист против философа

Введение

Если проблему следования правилу по количеству материалов, публикуемых на эту тему, можно расценить как одну из центральных в новейшей аналитической философии, то дискуссию об индивидуальном языке по этим же показателям с полным правом можно считать ядром данной проблемы. Предполагает ли следование правилу употребления языкового выражения социальную компоненту? Требуется ли правилосообразная деятельность лингвистического сообщества или же агент речи способен в изоляции, ориентируясь только на субъективный опыт, использовать язык? Наиболее четко позицию, которая настаивала на социальной компоненте языка как необходимой, выразил американский логик С. Крипке, интерпретируя тексты Л. Витгенштейна, где тема следования правилу употребления выражений была впервые представлена как проблема. Интерпретацию Крипке поддержал Н. Малколм — один из непосредственных учеников Витгенштейна. В свою очередь с резкой критикой этой позиции выступили известные витгенштейноведы из Оксфорда — Г. Бейкер и П. Хакер, которые утверждали, что актуальное лингвистическое сообщество не является необходимой компонентой для функционирования языка.

Какое из данных воззрений более убедительно? Кто прав — приверженец коммуникативной стратегии в анализе языка или же его оппонент? В данной статье автор ставит перед собой задачу показать, что указанные выше подходы не противоречат друг другу. Скорее, следует говорить о различных уровнях, на которых проводится исследование. Аналитика С. Крипке и Н. Малколма более похожа на работу лингвистов, тогда как подход Г. Бейкера и П. Хакера предстает как исследование по философии языка.

Позиция С. Крипке

Рассмотрим, в чем состоит скептическое затруднение в связи с употреблением языковых выражений у Крипке. Сейчас, в данный момент употребления знака «+» в выражении «2+2», я оказываюсь в затруднении относительно того, какое значение приписать этому знаку. Казалось бы, значением «+» должен выступать плюс, арифметическая функция сложения. Но дело в том, что из-за конечности моего опыта познания я не имею в своем распоряжении, не созерцаю целиком всю функцию сразу. По этой причине логически допустимой оказывается следующая эпистемологическая коллизия. Возможно, в данном конкретном примере я употребляю «+» для обозначения иной функции, скажем, квас, которая отличается от плюса в области больших чисел, но здесь, по отношению к числу 2, она оказывается совершенно идентичной плюсу. Возникает радикальная двусмысленность. В данном частном применении знака «+» мое употребление этого выражения подпадает сразу, по крайней мере, под два правила, и нет ничего в опыте моего сознания, чтобы могло разрешить это затруднение.

Таким образом, употребляя слово, мы не фиксируем его значения. Самое большое, на что мы можем надеяться — это ухватиться за созданную нами самими иллюзию стабильности, впечатление того, что мы все же понимаем, что имеем в виду, используя выражения языка. И вот эту иллюзию, по мысли Крипке, как раз и не способен продуцировать и поддерживать изолированный Робинзон, использующий язык индивидуально. Он, подобно буриданову ослу, постоянно будет находиться в ситуации радикальной неопределенности выбора между теми альтернативными правилами, которым он может следовать в своем словоупотреблении.

Единственной спасительной соломинкой, за которую может ухватиться агент речи, считает Крипке, выступает сообщество. Именно оно способно генерировать и поддерживать ту иллюзию относительной стабильности значений, которая столь необходима для успешного использования языка. Эта иллюзия стабильности порождается в субъекте за счет того, что он наблюдает одобрения своих словоупотреблений в реальной практике использования языка со стороны других участников коммуникации. Получая подобные одобрения, агент речи подкрепляет свою уверенность в корректности той интерпретации значений слов, которой он придерживается в данный момент. Так возникает впечатление стабильного и ясного употребления языковых выражений. Крип-

ке понимает, что таким образом генерируются не сами значения, не сами правила, а лишь иллюзии значений, ибо за счет своей причастности к сообществу говорящих со мной на одном языке ни я, ни другие члены данной лингвистической группы не приобретают каким-то чудесным образом способность созерцать правило как определенную универсальную сущность целиком. Тем не менее постоянные перекрестные ссылки друг на друга среди членов сообщества делают свое нужное дело. Они вселяют уверенность в то, что агенты речи правы, корректны в своих лингвистических действиях. И эта, в буквальном смысле, языковая игра является единственным возможным выходом из создавшейся скептической ситуации, ибо данное условие — генерация иллюзии значения в коммуникации — оказывается необходимым и, главное, достаточным для успешного функционирования языка.

Индивидуальный же язык оказывается в принципе невозможным именно по этой причине. В нем не выполняется данное необходимое условие функционирования языка. В нем отсутствует даже иллюзия относительной стабильности значений слов. В нем царит полный хаос и неопределенность.

Г. Бейкер, П. Хакер: Робинзон возможен

Оксфордские витгенштейноведы пошли по другому пути. В противовес распространившейся в середине 1980-х гг. с подачи С. Крипке так называемой «позиции сообщества» («community view») в отношении вопроса об индивидуальном языке они утверждали, что Робинзон как лингвистический субъект, способный следовать правилам употребления выражений, вполне возможен. Во втором томе своего объемного «Аналитического комментария» к «Философским исследованиям» Л. Витгенштейна они обращают внимание на совершенно иной аспект практики следования правилу и успешного функционирования языка: «Понятие следования правилу здесь связано с понятием регулярности, а не с понятием сообщества следующих правилу»¹, хотя и не акцентируют столь настойчиво свое противопоставление позиции сообщества. Но в работе, которая конкретно посвящена критике книги Крипке, тон замечаний оксфордских философов оказывается более однозначным: «Отметим, что в этом обсуждении ничего не говорит о каких-либо обязательствах относитель-

¹ Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity, Vol. 2 of an Analytical Commentary on the *Philosophical Investigations*. Oxford: Blackwell, 1985. P. 140.

но множественности *агентов*. Весь акцент — на регулярности, на множественности *обстоятельств* действия. Ключевым для понятия следования правилу является периодически повторяющееся действие в соответствующих контекстах, действие, которое *расценивается как следование правилу*»².

По сути, позиция Бейкера и Хакера сводится к следующему. Для распознавания правил, для стабильного следования им, для успешного функционирования языка, значения выражений которого должны содержать в себе правила их употребления, вовсе необязательно наличие коммуникативного сообщества, достаточно лишь субъективной регулярности, повторяемости действий. Когда лингвистические действия Робинзона регулярны, когда он из раза в раз употребляет языковые выражения по отношению к одним и тем же предметам, фактам, событиям, когда такое употребление входит для него в привычку, тогда, считают оксфордские философы, у нас нет никаких оснований отказывать ему, во-первых, в определенной стабильности использования языка, и во-вторых, в том, что он понимает, в каком смысле употребляет слова, каким правилам следует. Собственная субъективная регулярность лингвистических действий будет дисциплинировать Робинзона, он окажется способным сверять свои нынешние употребления с предыдущими и выбирать в качестве правильных те, регулярность которых выше.

Еще одним важным аргументом против позиции сообщества для Бейкера и Хакера выступил тот факт, что правило и его применение в таком случае соотносились бы между собой внешним образом: «Центральная позиция в витгенштейновских пассажах о следовании правилам состоит в том, что правило *внутренне* соотносено с соответствующими ему действиями. Правило и только правило определяет, что является корректным. Эта идея несовместима с определением “корректности” в терминах того, что является нормальной или стандартной практикой в сообществе. Сделать поведение большинства критерием корректности в применении правил, значит аннулировать внутреннее отношение правила к соответствующим с ним действиям»³. Утверждение общественного согласия в качестве критерия корректности применения правил означало бы привнесение в процесс употребления языковых выражений агентом речи неких независимых от него

² Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М: Канон+, 2008. С. 49–50.

³ Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. P. 171–172.

стабильных смысловых сущностей, на которые он должен был бы ориентироваться в своей речевой деятельности. Эти смысловые сущности хоть и в значительной мере отличны от платоновских идей, ибо существуют не в особом объективном метафизическом мире, а только в локальных мирах коммуникативных сообществ, тем не менее все же имеют с платоновскими универсалиями ряд схожих характеристик. А именно, они стабильны, независимы от опыта того или иного субъекта, абстрактны в том смысле, что не связаны ни с одним конкретным случаем словоупотребления, и всеобщи, поскольку претендуют на то, чтобы покрывать все возможные частные коммуникативные ситуации в данном лингвистическом сообществе.

Все это, считают Бейкер и Хакер, идет в разрез с основной стратегией мысли позднего Витгенштейна и совершенно недопустимо для него. Скорее, правило и его применение имеют характер внутреннего отношения, когда одно не существует без другого. Правило мыслится только на основе тех конкретных действий, которые являются его проявлением, оно поддерживается этими действиями и не выходит за их пределы. Правило числового ряда «+2» обретает смысл в тех конкретных шагах, которые осуществляет субъект при построении этого ряда, т. е. когда он записывает «1000» вслед за «998». Правило не дано изначально в качестве устойчивой сущности, в которой закодированы все возможные шаги, репрезентирующие его применение, скорее, оно само проясняется постепенно, на основе этих конкретных действий.

На осуществление и поддержание этого специфического внутреннего отношения между правилом и его применением, по мысли Бейкера и Хакера, вполне способен изолированный Робинзон. Он в состоянии использовать язык индивидуально, основываясь на регулярности, на единообразии своих действий.

Контраргументы Н. Малколма

Если задаться целью классифицировать критические аргументы Н. Малколма по отношению к позиции оксфордских витгенштейноведов, то можно обнаружить, по крайней мере, три главных мыслительных хода. Ниже рассмотрим каждый из них.

Во-первых, Малколм указывает на то, что о Робинзоне можно говорить в разных смыслах. Он вводит различие между физически изолированным Робинзоном, который большую часть своей жизни провел в человеческом сообществе, но однажды либо по воле случая, либо в связи с неотвратимыми роковыми событиями оказался в одиночестве, и изначально изолированным

Робинзоном, который все свою жизнь прожил вне коммуникации с другими людьми. Для краткости обозначения мы будем называть этих двух мыслимых субъектов «Робинзон по несчастью» и «Робинзон по рождению». Можно вообразить различные случаи появления Робинзона по несчастью. Например, так, как это делает Д. Дефо в своем знаменитом романе — изоляция человека возникает в результате кораблекрушения. Г. Бейкер и П. Хакер, утверждая возможность языка Робинзона, также как и Дефо представляют себе катастрофу только глобального масштаба: «Поскольку Робинзон Крузо мог говорить сам с собой, ведя дневник, следуя правилам, утратил бы он эту способность, если бы по независящим от него обстоятельствам весь человеческий род вымер от эпидемии? Очевидно, нет»⁴. Н. Малколм воображает монашеский орден: «Легко предложить фоновое основание, которое не предполагает, что эти люди говорили только в монологе всю свою жизнь. Например, после нормального воспитания они могли стать членами монашеского ордена, который запрещает его членам говорить друг с другом»⁵. Х. Маунс придумывает более изощренную мистическую ситуацию: «Положим, что некое ужасное несчастье постигло все население, такое, что люди теперь говорят только сами с собой, потеряв всякий интерес друг к другу»⁶. Инвариантным во всех этих примерах остается одно: человек находился среди людей, использовал для коммуникации с другими членами социума общий язык, но наступил момент, когда эти связи внезапно оборвались, и человек остался один.

Критикуя позицию оксфордских витгенштейноведов, Малколм, в первую очередь, замечает, что из их текстов не удастся уяснить, понимают ли они указанное различие между Робинзоном по несчастью и Робинзоном по рождению. Далее американский философ делает еще более важное замечание. По его мнению Робинзон по несчастью, бесспорно, возможен. Нет никакого смысла вступать в дискуссию по этому вопросу в виду очевидной возможности следования правилам и индивидуального использования языка таким агентом речи. В самом деле, каждый из нас по много раз на дню сам оказывается в уединении и при этом не теряет способности говорить осмысленно, например, репетируя вслух свой предстоящий доклад на научной конференции. Школьник может

⁴ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. С. 50.

⁵ Malcolm N. Wittgenstein on Language and Rules // Philosophy, 64, 1989. P. 19.

⁶ Mounce H. O. Following a Rule // Philosophical Investigation, 9, № 3, July, 1986. P. 198.

с успехом выполнять домашнее задание по математике, производя вычисления в соответствии с арифметическими правилами и находясь в этот момент в одиночестве в своей комнате. В дискуссии о возможности или невозможности индивидуального языка речь должна идти не об этом. Способен ли прирожденный Робинзон использовать свой собственный, изобретенный им язык? Вот в чем вопрос. Малколм обращает наше внимание на следующий пассаж из книги оксфордских витгенштейноведов: «Он [Витгенштейн] сознавал опасность того, что его замечания о согласии могли быть неверно интерпретированы на этот счет. Он совершенно открыто утверждал, что *не* исключает возможности того, чтобы уединенный индивид мог бы следовать правилу или говорить на языке с самим собой»⁷ и замечает по этому поводу следующее: «Далеко не все ясно, что здесь имеется в виду. Может ли «уединенный индивид» следовать правилу? Большинство из нас следует правилам, когда мы находимся одни. Я вычисляю свой подоходный налог в одиночестве. Я пишу письма, читаю, думаю, когда я один. Я вырос в англоязычной среде и несу ее с собой, где бы я не был. Если бы я потерпел кораблекрушение, подобно Робинзону Крузо, на необитаемом острове, я бы мог припомнить (по крайней мере, на время) мое знание английского или арифметику. Это естественно для людей производить вычисления, следовать инструкциям, подготавливать планы в одиночестве. В этом смысле каждый из нас является “уединенным индивидом” достаточное количество времени. Конечно, каждый из нас потратил много лет на изучение речи, письма и вычислений. Мы выросли в сообществах носителей языка и тех, кто следует правилу. *Философская* проблема относительно «тех, кто следует правилу уединенно» должна состоять в вопросе, смог ли бы тот, кто вырос в полной изоляции от людей, создать язык для своих собственных нужд. Мог ли существовать Крузо, который (в отличие от Крузо Дефо) никогда бы не был членом человеческого общества, и тем не менее который придумал бы язык для своей повседневной жизни? И признает ли Витгенштейн такую возможность?»⁸

Поскольку Малколм находится в оппозиции Бейкеру и Хакеру по вопросу об индивидуальном языке, то вполне понятно, что он, во-первых, сам дает отрицательный ответ на эту, как он подчеркивает, *философскую* проблему, и во-вторых, Малколм

⁷ Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. P. 172.

⁸ *Malcolm N. Wittgenstein on Language and Rules // Philosophy*, 64, 1989. P. 17.

считает, что и Витгенштейн также высказался против возможности существования прирожденного Робинзона. Общественное согласие для Малколма является тем необходимым основообразующим фоном, на котором может возникнуть язык и практика следования правилу. Робинзон по рождению изначально лишен возможности быть вписанным в это коммуникативное сообщество, поэтому его предполагаемые попытки создать свой язык и следовать правилам самостоятельно обречены на провал в виду отсутствия тех критериев, по которым он мог бы оценить корректность своих действий. Прирожденный Робинзон, по мысли Малколма, не был бы способен провести различие между своей убежденностью в следовании правилу и действительным следованием, различие, на важность которого указывал Витгенштейн в § 202 «Философских исследований»: «Стало быть, “следование правилу” — некая практика. *Полагать* же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь “приватно”; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же»⁹.

Замечания оксфордских аналитиков о том, что Витгенштейн постоянно актуализирует тему Робинзона в своих работах Малколм парирует следующим образом: «Это могло бы заслуживать внимания только в том случае, если бы Витгенштейн представлял “Робинзона Крузо” тем, кто (в отличие от вымысла Дефо) *никогда* не сталкивался с другими людьми и тем не менее в своей полной жизненной изоляции создал язык. Но, конечно, Витгенштейн не представлял *такого* Крузо. Он воображает Крузо, который говорит сам с собой»¹⁰.

Во-вторых, Малколм обращает наше внимание на то, что Бейкер и Хакер пытаются провести различие между правилами нашего общего языка, который мы используем ежедневно, находясь в сообществе, и правилами языка как такового, безотносительно к тому, функционирует ли он в рамках сообщества или нет. Так вот для нашего повседневного совместного языка, поскольку он с очевидностью реализуется в коммуникации, согласие, считают оксфордские витгенштейноведы, конечно же, необходимо. Именно на основе согласия во мнениях, в действиях, в употреблении слов мы вырабатываем общие, ясные для большинства членов сообщества понятия, способы действия, значения выражений.

⁹ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 163.

¹⁰ *Malcolm N.* Wittgenstein on Language and Rules // *Philosophy*, 64, 1989. P. 24.

Наше общее понятие сложения в совместном языке, который мы используем, было получено на основе многочисленных перекрестных ссылок на вычисления друг друга, на основе постоянно действующей корреляции в следованиях этому арифметическому правилу. Однако то, что характерно для нашего совместного языка, может не быть присуще другим формам лингвистической активности. Понятие совместного языка, полагают Бейкер и Хакер, не исчерпывает понятие языка как такового. И другие случаи функционирования языка могут не включать в себя в качестве своего необходимого свойства общественное согласие. Это соображение как раз касается Робинзона по рождению, который, будучи изолированным от коммуникации с другими людьми в течение всей своей жизни, тем не менее смог бы создать свой собственный язык и следовать принятым в нем правилам связи слов и объектов, предложений и фактов, опираясь на стабильную регулярность своих лингвистических действий.

Общий критический настрой работы Малколма не позволяет усомниться в том, что он не согласится с указанной позицией. Так и происходит. Американский философ считает, что Витгенштейн в тех своих пассажах, в которых он вел речь о важности общественного согласия для успешного осуществления лингвистических действий, имел в виду не наш частный совместный язык, не язык какого бы то ни было другого конкретного сообщества, а именно язык как таковой. Различение, которое пытались провести Бейкер и Хакер, нерелевантно, считает Малколм, витгенштейновской мысли, ибо сам автор проблематики следования правилу никогда его не проводил. Витгенштейн всегда говорил о языке вообще, об условиях возможности лингвистической деятельности в принципе: «Ссылаясь на воображаемый случай, в котором люди больше бы не соглашались со своими действиями, соответствующими правилу, и не могли бы договориться касаясь позиций друг друга, он говорит, что итогом могло бы быть то, что “язык бы исчез” — не “совместный” язык»¹¹. Малколм несколько раз подчеркивает именно этот момент, указывая на ошибочность интерпретации оксфордских философов: «Бейкер и Хакер допускают *ограниченную* важность “согласия”, когда они говорят, что, если бы не было согласия, то не было бы общего понятия сложения»¹². Излишне доверчивый читатель мог бы подумать, что они интерпретировали Витгенштейна так же, как

¹¹ Ibid. P. 12.

¹² Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. P. 243.

и я. Но акцент здесь следует сделать на «общем». Бэйкер и Хакер думают, что без согласия могли бы быть понятия, и не было бы только *общих* понятий, могли бы быть правила, и не было бы только *совместных* правил, мог бы быть язык, и не было бы только *совместного* языка. Таково их толкование Витгенштейна. Однако, сам Витгенштейн не квалифицирует таким образом свою тему. Он говорит, например, что «Если бы не существовало совпадения в том, что мы называем “красным” и т. д., и т. д., язык перестал бы существовать»¹³ — *язык*, а не «совместный язык».

В-третьих, Малколм критикует предполагаемый оксфордскими философами внешний характер отношения между правилом и его применением в сообществе. Один из основных критических аргументов Г. Бейкера и П. Хакера, касающихся позиции сообщества, состоял в том, что утверждение коммуникативного согласия как необходимого элемента процесса следования правилу делает отношение между правилом и его применением внешним, тогда как суть этой связи состоит в ее внутреннем характере. Малколм не соглашается с такой трактовкой позиции сообщества и утверждает, что возникновение внешнего отношения между правилом и его применением в данном случае иллюзорно. Может возникнуть впечатление, что согласие сообщества разрывает внутреннюю связь, но на самом деле этого не происходит, ибо языковая игра устроена так, что согласие присутствует лишь латентно, является фоном лингвистических практик и не дает о себе знать явно и непосредственно. Этот момент, считает Малколм, подчеркивал и сам Витгенштейн: «Данная позиция, как она подразумевалась Витгенштейном, *не* предполагает, что правила и то, что им соответствует, “соотнесены внешним образом”. Ибо, если “быть соотнесенным внешним образом” означает, что общее согласие оказывается “помещенным между правилом и тем, что ему соответствует”, или означает, что кто-то определяет, соответствует ли *это* действие *тому* правилу посредством обсуждения мнений людей — тогда, конечно, Витгенштейн не имел в виду, что правило и то, что ему соответствует, являются “соотнесенными внешним образом” <...> Наши языковые следования правилам арифметики, суждениям цвета, измерениям и т. д., и т. п. не могли бы работать *без* фона общего согласия — однако, обсуждение и проверка согласия не входит в актуальное *осуществление* языковых игр»¹⁴.

¹³ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. С. 103.

¹⁴ *Malcolm N.* Wittgenstein on Language and Rules // *Philosophy*, 64, 1989. P. 15.

Кто прав?

В настоящем пункте зафиксируем те ответы на возражения Н. Малколма, которые, оксфордские аналитики дают или могли бы дать, следуя логике своих размышлений, а также представим собственные соображения о том, кто же выглядит предпочтительнее в этих баталиях о Робинзоне.

Первая из отмеченных нами претензий Малколма касалась того, что из текстов Бейкера и Хакера остается неясным, понимают ли они различие между Робинзоном по несчастью и Робинзоном по рождению. Признавая, что оксфордские философы, действительно, не стремились здесь провести четкой демаркации, мы бы все-таки не спешили вслед за Малколмом задать следующую импликацию: если различие не выражено, то оно не понятно. Более вероятным выглядит совсем иное суждение, а именно, что Бейкер и Хакер считали это различие настолько банальным, что просто не видели смысла уделять ему пристальное внимание.

Второе возражение Малколма касалось того, что Бейкер и Хакер признавали необходимость общественного согласия для функционирования лишь совместных правил и понятий, вырабатываемых в реальном коммуникативном пространстве, в то время как Витгенштейн, обсуждая эти вопросы, всегда говорил о языке как таковом, о принципиальной возможности лингвистической деятельности, а не только о языках реально существующих сообществ. По этому пункту оксфордские философы признают, что Малколм верно изложил их мысль, но они не соглашались с малколмовской интерпретацией Витгенштейна. По их мнению, Малколм, пытаясь привести в защиту своего тезиса текстуальные подтверждения, игнорирует тот контекст, из которого он вырывает витгенштейновские пассажи. Учет же этого контекста все расставляет на свои места: «Мы отрицали, что *социальная* практика логически необходима. Малколм считает это ошибочной и некорректной интерпретацией Витгенштейна. Он цитирует широкий спектр пассажей из Витгенштейна (которые цитировали мы) и подчеркивает, что ни в одном из них Витгенштейн не говорит, что согласие, общественный консенсус и т. д. выступают предпосылками *совместного* языка, но говорит, что они являются предпосылками языка как такового. Однако Малколм неверно оценивает контекст витгенштейновских заметок, которые никогда не должны были продемонстрировать то, что понятия, правила и язык предполагают общественное согласие, но, скорее, то, что *наши* понятия и *наш* язык таков. <...> Подобным образом Малколм подчеркивает, что молчали-

вое согласие “принадлежит строительным лесам, на которых действует наш язык” — “наш” язык, подчеркивает Малколм, а не “совместный язык”. Но это есть распространение утверждения, что “Величайшую важность имеет то, что между людьми почти никогда не возникает спор о том, является ли цвет этого предмета таким же, как и цвет того” и что “Не возникает спора о том, действовали согласно правилу или же нет”. Очевидно, что здесь *наш язык значит совместный язык*»¹⁵.

Третье возражение Малколма касалось понятия внешних отношений. Он утверждал, что правило и его распространение не находятся во внешних отношениях в случае принятия позиции сообщества, как это хотели представить Бейкер и Хакер, если под «внешним» в данном случае подразумевать необходимость актуальной эксплицитной проверки корректности действий субъекта в совещаниях и консультациях с другими членами сообщества. Очевидно, говорил Малколм, этого не происходит. Согласие сообщества присутствует латентно, невыраженно. Оно является молчаливым согласием.

В данном случае критика Малколма не имеет успеха в виду того, что он совершенно иначе трактует понятие внешнего отношения, нежели оксфордские аналитики. Бейкер и Хакер не говорили, что внешнее отношение заключается в том, что мы должны актуально, эксплицитно поверять свое следование правилу на корректность с другими людьми. Внешнее отношение между правилом и его применением, по их мнению, возникает из-за того, что в случае принятия позиции сообщества мы обращаемся к правилу как к некой объективной стационарной сущности, пусть и задаваемой в интерсубъективности. Утверждение существования таких правил представляется обсуждаемым философам в корне неверным.

Дополнить критику позиции сообщества, представленную оксфордскими философами, можно следующим аргументом. Дело в том, что для нас не составит труда вообразить то или иное лингвистическое сообщество как целое в роли индивидуального эпистемического субъекта, некоего «коллективного Робинзона». И в этом случае мы можем заметить, что данная структура — «сообщество как Робинзон» сама находит себя в той же самой коммуникативной пустоте, что и изолированный индивид. На это справедливо указывают Бейкер и Хакер, говоря о том, что крипкевская проблема не исчезает тогда, когда мы адоптируем

¹⁵ Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. P. 314–315.

позицию сообщества: «При условии, что никто ранее не складывал 57 и 68, откуда мы знаем, что наша нынешняя, разделяемая сообществом склонность отвечать “125”, соответствует тому, что мы (сообщество. — В. Л.) ранее подразумевали под “плюс”, — т. е. соответствует тому, что мы были бы склонны сказать, будучи спрошены о том, сколько будет 57+68?»¹⁶.

Вместе с тем мы можем констатировать, что в таком «коллективном Робинзоне» не происходит каких-либо функциональных сбоев, ибо для поддержания относительной стабильности своих лингвистических практик ему достаточно опереться на внутреннюю повторяемость, регулярность своих действий. Если все сообщество рассмотреть как Робинзона, то действия его отдельных членов, можно представить как конкретные проявления активности одного единственного субъекта, и этот субъект не окажется в замешательстве в виду отсутствия согласия со своими действиями извне, он с успехом будет опираться лишь на регулярность своих собственных практик. Чтобы сторонникам позиции сообщества попытаться представить здесь соответствующий контраргумент, им понадобится допустить существование множества сообществ, которые бы поддерживали друг друга и т. д. до бесконечности. Однако, очевидно, что в отношении этой новой группы сообществ мы могли бы высказать то же самое индивидуалистическое возражение. Это означает лишь то, что идея общественного согласия оказывается избыточной для фиксации оснований успешности лингвистических действий. Как и в сообществе, так и в индивидуальной жизни уединенного Робинзона относительную стабильность значений языковых выражений можно вполне объяснить с помощью идеи регулярности. Но поскольку на осуществление регулярных действий способна не только группа, но и отдельный индивид, постольку различие между сообществом и индивидом в вопросе о возможности следования правилу вообще оказывается несущественным. Подобно тому, как сообщество говорящих будет устранять любые нестандартные интерпретации выражения языка, в виду того, что они не соответствуют регулярной для социума практике употребления, так и уединенный индивид способен проводить такую же семантическую терапию, основываясь на регулярности собственных действий. Идея регулярности, таким образом, оказывается более фундаментальной для осуществления правилосообразной деятельности, нежели идея согласия. И в этом, как представляется, Бейкер и Хакер оказываются более прозорливы, нежели их оппоненты.

¹⁶ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. С. 73.

Примирение сторон

Казалось бы, весомость аргументов «из Оксфорда» уже должна склонить нас к признанию возможности индивидуального языка. Однако Бейкер и Хакер в ходе столь принципиальной полемики делают два замечания, которые снимают напряженность между противоборствующими сторонами.

Во-первых, мы узнаем, и это выглядит для нас весьма неожиданным в свете вышеизложенной аргументации, что Бейкер и Хакер, на самом деле, не признают индивидуального языка и не отрицают социальную природу лингвистической деятельности. Зачем же они тогда столь настойчиво спорят с Малколмом и приверженцами позиции сообщества? Мы можем предположить, что мысль оксфордских витгенштейноведов, скорее, провокационна. Возможно, они вступили в дискуссию с Малколмом не потому, что признавали индивидуальный язык, а лишь затем, чтобы обратить внимание на те более тонкие различия в обсуждаемом предмете, которые ускользнули как от Малколма, так и от Крипке. Д. Хамфри, например, вообще называет этот момент критики крипкевской интерпретации со стороны Бейкера и Хакера важнейшим: «Из всех критических замечаний, относящихся к книге Крипке *“Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке”*, пожалуй, наиболее важным и особо обсуждаемым является обвинение <...> что крипкевский Витгенштейн не делает никакого различия между несоциальными правилами и случайно индивидуальными языками»¹⁷.

Так или иначе, все это побуждает нас посмотреть на позицию оксфордских философов еще более пристально. Бейкер и Хакер предлагают нам более тщательно рассмотреть концепт Робинзона по рождению. Оказывается, одиночество такого Робинзона тоже может быть случайным. Причем речь не должна идти о том, что он при определенных обстоятельствах может вступить в коммуникацию с другими, достаточно лишь того, что, когда мы извне обратим внимание на его субъективные действия, мы будем способны, при надлежащей продолжительности наших наблюдений, зафиксировать регулярности в его индивидуальных лингвистических практиках. И это с точки зрения Бейкера и Хакера уже показывает неиндивидуальный характер такого языка: «Очевидно, мыслимо, утверждал Витгенштейн, чтобы каждый субъект

¹⁷ *Humphrey J. Kripke's Wittgenstein and the Impossibility of Private Language: The Same Old Story? // Journal of Philosophical Research, vol. XXI, 1996. P. 197.*

говорил только с самим собой, чтобы он знакомился только с теми языковыми играми, в которые играет сам (задавая самому себе нормы или убеждения, ставя перед собой вопросы и т. д.), и даже чтобы язык этих людей имел очень большой словарь. Исследователь, который бы изучал этих монологистов, мог бы понять выражаемые ими мысли и преуспеть в вероятном переводе на свой собственный язык посредством наблюдения за тем, как их действия соотносятся с их артикулированной речью. Изучая их язык, он мог бы приобрести способность предсказывать то, что они могли бы сделать, в той мере, в какой то, что они говорят, включает в себя прогнозирование или решения»¹⁸. Такого Робинзона можно назвать эмпирически случайным. С рождения он жил в изоляции и использовал язык только индивидуально. Однако данный характер его лингвистической деятельности все равно не является необходимым. И обнаруживается это не только и не столько в том, что он может вступить в диалог с другими, а лишь в том, что другие могут подсмотреть, как он использует свой язык, и признать такое использование вразумительным.

Основными понятиями, с помощью которых Бейкер и Хакер пытаются зафиксировать специфику своей позиции, являются понятия совместного (*shared*) и совместимого (*shareable*) языков. Язык необязательно должен быть совместным, то есть выработанным в процессе реальной коммуникации между субъектами. Причем, язык Робинзона по несчастью, конечно же, не становится несовместным только потому, что он вдруг, по воле случая, оказывается один. Несовместный язык — это язык прирожденного Робинзона. И он, по мнению оксфордских философов, бесспорно, возможен. Однако всякий язык должен быть совместимым. Нельзя представить существование несовместимого языка. «Разногласие между Малколмом и нами возникает <...> по поводу того, действительно ли практика, которая учреждает основание или предпосылку существования правила, должна быть совместной, общественной практикой или же она может быть несовместной (но совместимой)»¹⁹.

Совместимость означает то, что имеется логическая возможность понять такой язык. Эта возможность может так никогда и не быть реализована. Можно представить, что прирожденный островитянин так и проживет все жизнь в одиночестве. Можно

¹⁸ *Malcolm N. Wittgenstein on Language and Rules // Philosophy*, 64, 1989. P. 175–176.

¹⁹ *Baker G. P., Hacker P. M. S. Malcolm on Language and Rules // Hacker P. M. S. Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 313.*

допустить даже и то, что он все же будет обнаружен, его действия и лингвистическая практика, которой он обладает, будет подвергнута наблюдению, и что наблюдающие так ничего и не поймут из его языка в силу ограниченности времени или средств наблюдения. Опыт познания значений совместимого языка может окончиться неудачей, но должна быть мыслима небесполезность самой затеи такого познания. Логическая возможность познания совместимого языка заключается в том, что, если мы, гипотетически, будем бесконечно долго наблюдать за агентом речи, то все же сможем распознать те регулярности в его лингвистической практике, которые он генерирует: «Обладание понятием, следование правилу, овладение языком предполагает не то, что все это должно быть совместным с другими людьми, но, скорее, что это *может быть совместным*, что другим *есть смысл* понимать, соглашаться по поводу того, что расценивать как осуществление того же самого в отношении правила, как следование правилу тем же самым образом»²⁰.

Бейкер и Хакер подчеркивают, что проблема не в различии Робинзона по несчастью и Робинзона по рождению, как думал Малколм, а в том, чтобы зафиксировать тонкости в позиции прирожденного Крузо: «Контраст, рассматриваемый Витгенштейном, состоит не между совместным языком, который также может быть использован в одиночестве, и несовместным языком, но между *совместимым* языком и мнимым языком, который не может быть в принципе понят любым другим человеком»²¹.

Логически необходимый Робинзон не тождественен прирожденному Робинзону. Последний мог бы вполне успешно использовать свой собственный язык, ни разу так и не столкнувшись с братьями по разуму за всю свою жизнь. И тем не менее он все равно являлся бы эмпирически случайным Робинзоном, ибо мыслимо, что если бы его лингвистическая практика стала предметом наблюдения, то в ней удалось бы распознать регулярности, формирующие правила. Логически необходимый Робинзон должен был бы использовать абсолютно индивидуальный язык. При сколь угодно длительном наблюдении за его лингвистическими действиями мы никогда не смогли бы распознать в них никаких регулярностей. Но это означает лишь то, что никаких регулярностей в нем, по сути, нет. Бейкер и Хакер, как можно предположить на основании хода их рассуждений, утверждают необходимый характер следствия: если регулярности в языке есть, то они могут быть обнаружены. Соответственно, по *modus tollens* можно заключить: если

²⁰ Ibid. P. 314.

²¹ Ibid. P. 318.

регулярности в принципе обнаружить невозможно, следовательно, их в языке нет. Но если в лингвистической практике отсутствуют какие-либо регулярности употребления знаков, то это, в свою очередь, означает то, что и языка как такового нет. Имеет место лишь хаотическое нагромождение фонем, не подчиняющееся никаким закономерностям. Представляется, что именно поэтому Бейкер и Хакер называют такой язык мнимым. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это звуковое нагромождение только напоминало бы язык, но таковым бы не являлось. Логически необходимый Робинзон не в состоянии говорить, ибо абсолютно индивидуальный, несовместимый язык невозможен.

Во-вторых, Бейкер и Хакер делают значительную уступку Малколму, говоря о том, что *фактически* человеческая практика почти всегда оказывается социальной. Аргументы американского философа будут действительны в подавляющем большинстве случаев рассмотрения конкретных явлений языка. Для себя же оксфордские аналитики резервируют не анализ *явлений*, а анализ *понятия* языка: «В самом деле, можно признать, что *явления* языка есть явления совместных практик. Ибо не утверждается, что *как факт* существует использование языка волчатами или что некоторые существа *действительно* рождены с изначальным знанием языка. Вопрос заключается в том, предполагает ли *понятие* языка сообщество говорящих и совместные практики»²².

Однако именно концентрация на анализе понятия, а не на эмпирических фактах, всегда указывала на философский уровень рассмотрения проблем, в отличие от исследований эмпирических наук. И в этом отношении оксфордским аналитикам нельзя отказать в тех методических установках, которые как раз их исследования характеризуют как философские. Можно сказать, что в данной дискуссии Бейкер и Хакер ведут себя как философы, тогда как Малколм, скорее, похож на лингвиста. Последний делает совершенно справедливые выводы относительно существования реальных языков, тогда как первые обсуждают вопросы, связанные с *логической возможностью* языка как такового.

²² Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity. P. 315.